

ОТРАЖЕНИЕ
АНТИТРИНИТАРНОЙ
ПОЛЕМИКИ
В ЛИТЕРАТУРЕ
ТАТАР ВЕЛИКОГО
КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО © *Ирина Сыикова*

В рукописном наследии татар Великого княжества Литовского (ВКЛ) сохранились произведения как восточного, так и местного происхождения. Последние являются важным источником по истории духовной культуры литовско-татарского сообщества и свидетельством разнообразных взаимоотношений с окружающим обществом.

В этом плане огромный научный интерес представляют религиозно-полемические тексты из рукописи, хранящейся в фондах Центральной научной библиотеки НАН Беларуси под шифром Р97. Впервые эта рукопись была упомянута у А. К. Антоновича, который дал ее палеографическое описание, но практически не касался содержания¹. Состав этой рукописи в целом был описан в статье М. Тарелко, З. Эль Фаделя, Е. Титовец². Рукопись эта представляет собой конволют XVIII в., в первой части которого (полукитабе) можно найти литургические, ритуальные, астрономо-календарные и дидактические произведения.

Среди таких традиционных для китаба текстов особенно выделяются своим характером и содержанием несколько религиозно-полемических сочинений. Написанные на польском языке³, они объединены тематически и имеют общее заглавие «Откуда пошли идолы» (Skąd poszli bołwany). Этот сборник возник, вероятно, в период с конца XVI до середины XVII в.⁴ В научной литературе уже поднимался вопрос о конфессиональной принадлежности автора (или авторов) данных произведений⁵. Но до сих пор этот вопрос остается

¹ Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968, с. 136–138.

² Тарелка М., Эль Фадэль З., Цитавец А. Татарскі рукапіс XVIII ст. з фондаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі НАН Беларусі // Іслам і мусульмане Беларусі ў XX стагоддзі. Матэрыялы VII міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 2002, с.74–79.

³ Точнее, на «польщизне кресовой».

⁴ О датировании этих текстов см.: Тарелка М. У. Структура арабаграфічнага тэксту на польскай мове: Аўтарэф. дыс. [...] канд. філал. навук. Мінск, 2004, с. 12.

⁵ Не рассматривая данный сборник детально, А. Дрозд в одной из своих статей упоминает эти тексты как «фрагменты неидентифицированной арианской полемик» (Drozdz A. Wpływy chrześcijańskie na literaturę Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej // Pamiętniki Litera-

открытым в силу гетерогенности текстов, и, на самом деле, в них можно проследить разноконфессиональные влияния⁶. При первом беглом знакомстве тексты воспринимаются как антитринитарный полемический трактат. Отсюда – высказанные ранее предположения об их антитринитарном (или арианском) происхождении. Но при детальном исследовании вырисовывается более сложная картина.

Сборник «Откуда пошли идолы» тесно связан с важными культурными процессами XVI–XVII вв. (распространение гуманизма, Реформация, Контрреформация) и несет на себе отпечаток острой идейной борьбы, характерной для той эпохи. Чтобы лучше понять эти тексты, их необходимо рассматривать в контексте различных культурных и религиозных течений. Здесь же мы попытаемся оценить только роль антитринитарного фактора в их формировании.

В Польше и ВКЛ антитринитаризм формировался на протяжении 60-х годов XVI столетия внутри кальвинистской церкви, от которой, в конце концов, отделился. Отрицание догмата Троицы, как самая заметная особенность этого реформационного направления, дало название для его последователей – антитринитарики, или унитарии. Кроме того, радикальные представители этого течения предлагали кардинальный пересмотр и догмата о Боге-Сыне, что включало отрицание божественной природы Христа, и учения о его предвечном существовании. Это вызвало со стороны апологетов ортодоксального учения обвинение последователей нового религиозного течения в арианстве, которое стало еще одним обозначением для этого движения. Антитринитарии разрабатывали новую экзегетику, критикуя традиционные, канонизи-

kie. Rocznik 88, zes. 3. Wrocław, 1997, s. 28.), а в другой работе столь же кратко отмечает, что при арианском происхождении их «татарское авторство не оставляет сомнений» (*Drozd A. Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich (XVI–XX w.): Zarys problematyki // Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwo i muhiy Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Warszawa, 2000. T. 3, s. 31*). Проблема происхождения этих текстов поднималась также в диссертационной работе М. Тарелко (см. прим. 4).

- 6 Четвертый текст, имеющий явно мусульманское происхождение, уже освещался в научной литературе (*Тарелка М. Пра нараджэнне Ізмаіла // Мечети і мизары татар Беларусі, Літвы і Польшы. Матэрыялы VIII міжнароднай навучна-практычнай канферэнцыі. Новогрудок, 2003, с. 153–155; Kożynowa A., Tarełko M. Teksty Polskie mużłmanów Wielkiego Księstwa Litewskiego z końca XVIII – początku XIX wieku jako źródło do badań nad polszczyzną kresową // Studia nad polszczyzną kresową. T. XI. Warszawa, 2004, s. 279–296*). Рассматривалось отдельно и влияние иудаизма (*Тарелко М. Невядомыя мусульманскія камэнтарыі на Іс. 7:14, 9:6, 11:1-3 і Пс. 110 (109) // Матэрыялы дванадцатай ежэгоднай міжнароднай междисциплинарнай канферэнцыі па нуданке. Москва, 2005. Ч.1, с. 101–104; Тарелка М. Да пытання аб цытатах з Бібліі С. Буднага і Брэсцкай Бібліі ў рукапісе Р97 з калекцыі Цэнтральнай навуковай бібліятэкі НАН Беларусі // Гісторыя выдавецкай дзейнасці ў Польшчы і Беларусі ў XVI–XX стагоддзях. Мінск, 2003, с. 13–17*).

рованные ортодоксальной церковью толкования отдельных мест Ветхого и Нового Заветов.

Так как объект нашего исследования – сборник, состоящий из четырех текстов, то необходимо прежде всего выяснить, относительно каких текстов и в какой мере можно говорить об антитринитарном влиянии. В каждом из четырех текстов можно отметить разнообразные влияния, которые образуют пласты различного конфессионального происхождения.

Во вступлении, которое относится ко всему комплексу из четырех текстов, обозначены основные темы сборника. Ссылаясь на книгу Мудрости Соломоновой, автор цитирует: «После того пришло проклятие от Соломона и суд Господа Бога на люд идолопоклоннический. И обращается покарание Божие [...] на изображения (образы)»⁷. И чуть далее он пишет: «[...] ибо именно такого царя нужно бы им, чтобы очистил этот мир от такого великого богохульства, [...] чтобы христиане узнали истинного Бога и [чтобы] он [т. е. царь] выбил этих участников и богов, присвоенных из сынов человеческих»⁸. Эти три темы: идолопоклонство, неизбежность Божественной кары за него и спасение (= очищение от идолопоклонства) мира благочестивым царем, который выступает как орудие Бога, – сложно переплетаясь, образуют основной идейный стержень трех первых текстов.⁹ Кроме того, автор сразу недвусмысленно заявляет, что под идолопоклонством он понимает не только языческие культы (о чем речь пойдет в третьем тексте), но и христианское учение о Троице и обожествление Иисуса, и весь первый текст по сути представляет собой обоснование этой позиции. Преамбула, видимо, была написана редактором-составителем, собравшим воедино несколько текстов и выстроившего их в необходимой последовательности.

Антитринитарный характер наиболее ярко проявляется в первом тексте. Хотя в нем после преамбулы мы уже не встречаем слова «идолопоклонство».

Общая схема рассуждений первого текста следующая:

1. В Библии ничего не говорится о Троице. Там, где христиане видят указание на множественность ипостасей Божественной личности («...когда Он сказал: *Создадим человека...*»¹⁰), речь идет только о неправильном понимании Писания.
2. Нет в Ветхом Завете свидетельств о Святом Духе как части Троицы. В приведенных примерах внимание акцентируется на значении «ветер»

⁷ Центральная научная библиотека НАН Беларуси (далее – ЦНБ), Р97, 5а.

⁸ Там же.

⁹ Что касается четвертого текста, то, хотя он тематически стоит несколько особняком от остальных текстов, в преамбуле можно найти ссылку и на него.

¹⁰ ЦНБ, Р97, 5б.

для древнееврейского слова «руах». Тем самым уничтожается сама основа для представлений о некоей мистической сущности – Духе Божьем, речь скорее идет о стихии, действующей в мире по воле Бога.

3. Писание (на множестве примеров, приводимых автором) ясно свидетельствует о единстве Бога.
4. Иисус в Евангелии сам называет себя человеком и признается в отсутствии у него божественных качеств (всеведения, доброты, всемогущества). Несколько раз он обнаруживает присущую любому человеку слабость. Божественность ему приписывают последователи, которые неверно перетолковывают Писание. Деяния Иисуса не уникальны, подобное уже происходило у других пророков. Первые христиане, которые были свидетелями его чудес, тем не менее не приписывали Иисусу божественности и надежды возлагали только на Господа Бога. (При этом автор обходит молчанием такие эпизоды евангельской истории, как воскресение Иисуса и его вознесение на небо.)
5. В Ветхом Завете нет пророчеств, которые указывали бы на Иисуса. В пророчестве Исаяи (7:14) речь идет о жене Ахаза, а не о Деве Марии. Фраза из псалма (110:1) относится к Аврааму, а не Иисусу. Стих из книги пророка Исаяи (9:6-7) «Дитя родилось нам [...]» говорит о некоем сыне Божием, жившем задолго до Иисуса (может, о Давиде или Моисее). Но даже если Бог называет кого-то сыном, то это не означает божественной природы этого сына, а лишь указывает на его избранность в глазах Бога. Многих Писание называет сынами Божьими, людей и ангелов. Не все являются на самом деле богами, кого Писание богами («элогимами») называет.

Таким образом, в первом тексте отстаивается идея чистого монотеизма и отвергаются какие бы то ни было основания для догматов о Троице и божественной природе Иисуса в Священном Писании. Автор приводит разнообразные аргументы, а также использует чисто риторические приемы для защиты своей позиции. Он апеллирует к логике и здравому смыслу читателей, иногда не без юмора проводит параллели между библейской историей и земными ситуациями. Но основные доказательства, приводимые в первом тексте, все же опираются на Библию. В некоторых случаях автор просто засыпает читателя потоком цитат, которые перемежаются его краткими замечаниями или выводами.

Высказываемые в первом тексте идеи были близки и мусульманам, и иудеям (в том числе и караимам), и арианам. В толковании отдельных мест Ветхого Завета можно усмотреть прямые параллели с иудейскими комментариями

ями. Но тем не менее по ряду пунктов иудейское авторство для всего текста представляется сомнительным. Например, последователь иудаизма вряд ли опирался бы на Новый Завет, как это делает автор первого текста. Кроме того, в этом тексте имеются некоторые толкования, идущие вразрез с традиционными иудейскими комментариями (относительно сына Божьего).

Сопоставление первого текста с известными арианскими произведениями показывает их большое сходство не только по духу, но и в использовании одинаковых цитат из Библии для доказательства идей автора. Помимо всего сказанного, на связь с антитринитаризмом указывает также использование Библии Симона Будного. Рассматриваемый текст, таким образом, и по содержанию, и по стилю как будто вполне укладывается в рамки арианской полемики. Но пока не удалось найти такого антитринитарного произведения, которое хотя бы не полностью, но в значительной степени совпадало бы с нашим текстом. Кроме того, радикализм позиции автора первого текста превосходит самые крайние воззрения литовских и польских реформаторов.

Второй и третий тексты представляют собой разного рода комментарии к Ветхому Завету. В них в большой степени ощущается влияние иудейской экзегезы.

Во втором тексте, который выступает как своеобразное приложение к первому, рассматриваются различные случаи употребления древнееврейского слова *элогим* в Ветхом Завете. Эти примеры будто продолжают рассуждения автора первого текста над стихом из книги пророка Исаии (Is. 9:6). Завершающая второй текст фраза еще более подчеркивает связь между первым и вторым текстами: «Таким образом, христианство никакого основания для божественности Иисуса не указывает»¹¹. Хотя в целом этот мини-трактат о слове *элогим* не имеет характерных для антитринитарной литературы идей и выглядит как обычный иудейский комментарий, тем не менее подобные комментарии можно найти и в арианской литературе. Кроме того, внимательного читателя не может не насторожить и острополемичный тон всего повествования, и категорично звучащий финал, и употребление выражения «Иегова Бог», не присущее иудейской литературе. Исходя из этого, можно допустить, что автор второго текста был скорее из круга иудаизантов или антитринитариев.

Третий текст развивает тему идолопоклонства, заявленную еще в преамбуле. Автор повествует о широком распространении языческих культов среди израильского народа и о Божьем наказании за это. Интересно то, что здесь

¹¹ ЦНБ, Р97, 34а.

говорится не о первоначальном язычестве, а об отступлении от монотеизма (во время правления Соломона и Иероваама). Рассказывая про отдаленные события, автор постоянно проводит параллели с современной ему католической церковью. Опираясь на текст Писания, автор критикует католическое учение («ваши доводы, которые вы прячете в тень, [...] пришли в противоречие Священному Писанию»¹²).

С темой идолопоклонства в третьем тексте тесно переплетается другой сюжет – пророчества из книги пророка Исайи. В третьем тексте вновь критикуется традиционное христианское толкование ветхозаветного пророчества (Is. 9:6). Автор считает, что в нем речь идет о благочестивом царе Иосии, который уничтожил языческие культы и празднества и восстановил празднование Пасхи. Наследниками этих древних идолопоклонников автор считает христиан за обожествление человека: «Пан Езус называл себя сыном человеческим, настоящим человеком, а человек богом быть не может»¹³. А любое поклонение кому-то кроме единого Бога является идолопоклонством. Эта позиция сближает автора с арианами (нонадорантами).

Однако критика в третьем тексте адресована христианам в целом. Антитринитарий в данном случае обратился бы к противнику со словом «папешник», которое обычно употреблялось в отношении представителей римско-католической церкви. Обращает на себя внимание и подчеркнуто почтительное отношение к царю Иосии, и то, что его называют святым. Зная отношение авторитетных иудейских комментаторов к этому библейскому персонажу, можно было бы предположить еврейский источник происхождения текста. Нельзя исключить и того, что автором мог быть иудаизант; это представляется даже более вероятным, принимая во внимание необычный для традиционной иудейской экзегетики вариант толкования Is. 9:6.

Четвертый текст «Про рождение Исмаила» позволяет почувствовать сильное напряжение межконфессионального противостояния. Несмотря на то, что в мусульманском происхождении первой части этого текста нет никаких сомнений, примечательно, что его автор не использует каких-либо специфически мусульманских источников. Он опирается только на библейский текст. Во второй части четвертого текста автором, возможно, были использованы также иудейские комментарии. В целом четвертый текст вряд ли можно отнести к произведениям антитринитарного характера. Но нельзя также сказать, что он стоит совершенно особняком от остальных трех текстов. Это видно уже из преамбулы, которая находится перед первым текстом, но от-

¹² Там же, 39a.

¹³ Там же, 25b.

носится ко всему сборнику («Тогда они с презрением говорят против верующих в Бога»¹⁴). Именно четвертый текст позволяет правильно оценить роль в сборнике остальных трех текстов.

Но прежде всего оценим степень антитринитарного влияния на рассматриваемые тексты. Наиболее явно оно присутствует только в первом тексте. Для второго и третьего можно лишь в качестве допущения предположить арианскую переработку некоего (возможно, иудейского) первоисточника. В четвертом тексте нет ничего специфически антитринитарного. Закономерно возникает вопрос: что же объединяет эти произведения? Ответ на этот вопрос неразрывно связан, на наш взгляд, с выяснением другого вопроса – о степени мусульманского участия в создании текстов.

Отвечая на этот второй вопрос, можно легко допустить несколько уровней ответственности: авторство (для четвертого текста), редактор отдельного текста (для первого – третьего), составитель-редактор всего сборника текстов и он же автор преамбулы, объединяющей идейно все тексты. Но можно предположить и другую точку зрения – о мусульманском авторстве всех текстов, исходя из того, что перед нами не просто компиляция из текстов различного происхождения, а основательная переработка первоначальных источников. Попробуем посмотреть на все тексты с этой позиции.

Составитель-редактор (и, возможно, автор некоторых текстов) демонстрирует хорошее знание Библии, христианского богословия и иудейской экзегетики. Не всегда аргументы безупречны с точки зрения логики, иногда сложные места замалчиваются, но в целом видна достаточная гибкость в использовании материала, а порой и чувство юмора. Из огромной массы полемической литературы реформационной эпохи искусно отбирается только необходимый для поставленных целей материал и совершенно игнорируются вопросы социально-политические и ритуально-обрядовые, хотя реформационная (и антитринитарная в частности) литература уделяла им довольно много внимания. Видимо, для составителя-редактора это было не актуально. Он не был *реформатором*. Следовательно, в его задачи не входила разработка вопросов, связанных с религиозной деятельностью и повседневной жизнью верующего. Ему важно было только показать несостоятельность ортодоксальной христианской доктрины. И, судя по четвертому тексту, это делалось с целью защиты ислама в полемике с христианами. Для этого автор мог привлечь идеи и материалы, которые уже были достоянием общественной мысли реформационной эпохи. В этом деле его союзниками могли быть иудеи,

¹⁴ Там же, 5а.

караимы, иудаизанты, антитринитари и даже радикальные представители гуситского движения.

Что послужило толчком для появления анализируемого сборника полемических текстов? Преамбула и четвертый текст однозначно говорят об определенном давлении на мусульманское сообщество со стороны христиан. Было ли это проявлением Контрреформации, когда значительно активизировалась борьба католической церкви со всеми другими конфессиями? Или речь идет о «бытовой» ксенофобии? И то и другое, безусловно, могло послужить непосредственным поводом для создания сборника. Но существовала и более глубокая причина – это постоянно существующая опасность ассимиляции татарского населения с инонациональным окружением и полного растворения в нем. Защитным барьером на этом пути вставала религия. Таким образом, этот сборник мог быть продиктован и чувством самосохранения, стремлением предотвратить исчезновение своего особого жизненного уклада под влиянием иной культуры.

Однако весьма удивляет то, что ни в одном из текстов (даже в четвертом, мусульманское происхождение которого несомненно) не упоминается и напрямую не цитируется Коран, все рассуждения лежат вне традиционного исламского богословия. Скорее всего автор/редактор не имел специального духовного (мусульманского) образования. Все говорит за то, что он получил примерно такое же образование (светское, гуманистическое), какое мог получить любой шляхтич Речи Посполитой в эпоху Ренессанса. Каким образом – это, видимо, уже является предметом специального исследования¹⁵. Кроме того, наш автор/редактор имел реальную возможность присутствовать на диспутах, где спорили представители различных конфессий,¹⁶ и таким образом расширять свои познания и пополнять арсенал полемического оружия.

Возможно, рассматриваемый литературный памятник является первым письменным свидетельством *формирования татарско-мусульманской интеллигенции* по типу западноевропейской. Ведь он говорит не только о высоком уровне образования автора/редактора. Написанный на польском языке арабской графикой сборник был доступен, а значит и адресован, прежде всего

¹⁵ Не исключено, что именно арианские школы могли быть более доступны для выходцев из среды татар-мусульман ВКЛ. О такой школе в Ивье см.: *Szczucki L. Jan Licinius Namysłowski. Studium z dziejów antytrynitaryzmu litewskiego na przełomie XVI i XVII wieku* // *Studia nad arianizmem*. Warszawa, 1959, p. 131–167.

¹⁶ Такая возможность существовала, так как часто диспуты были публичные, а иногда даже проходили на открытом воздухе при большом стечении народа. См. *Kormanowa Z. Bracia polscy (1560–1570)* // *Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego*. Т. 7, zesz. 3. Warszawa, 1929, s. 20–21.

мусульманам Речи Посполитой. Значит, среди них уже существовал целый круг лиц, интересующихся подобными темами. Ведь в полной мере рассуждения автора могли оценить только те, кто обладал познаниями примерно того же уровня.

И еще одно замечание. В силу того что арабографичные тексты не были доступны христианским читателям (и возможным оппонентам!), это были *псевдополемические* тексты. Рассматриваемый комплекс из четырех произведений является скорее специфической апологетикой – стремлением через критику противоречий христианского учения поднять статус своей религии как лишенной подобных противоречий. В условиях, когда переход в христианство мог принести некоторые социальные преимущества, эти произведения были призваны поддерживать в мусульманских читателях стойкость в вере.

Таким образом, данный литературный памятник является источником для изучения как межконфессиональных взаимоотношений в Речи Посполитой XVI–XVII вв., так и истории культуры татар (мусульман) ВКЛ. Он свидетельствует о высоком уровне образования в среде татарской шляхты (по крайней мере, отдельных ее представителей) и вовлеченности ее в духовную жизнь страны. Кроме того, он актуализирует ряд проблем, связанных с историей татар ВКЛ, в частности вопросы образовательных возможностей для татарской молодежи как в самой Речи Посполитой, так и за ее пределами.